

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Бывает, что вроде бы незначительный эпизод из книги оказывает на читателя куда большее воздействие, чем сотни страниц её текста. Предваряя начало разговора о роли творчества Белова в просвещении населения России о причинах деградации сельского хозяйства и крестьянства нашей страны, я имел в виду историю с кастрацией жеребца в самом начале романа «Кануны». Это книга о деревне конца двадцатых годов и коллективизации.

Противоестественность происходящего, насилие над самой природой подчеркивает писатель. Красавца жеребца Ундера, который обслуживал кобыл нескольких волостей и которого любил хозяин Акиндин Судейкин больше жизни, по воле хозяина... кастрировали. А ведь он «надежно кормил и поил, обувал и одевал всю семью. Это был красивый зверина гнедой масти. Кобыл гоняли в Шибаниху даже из других волостей. Акиндин, жалея хозяев, брал за случку чем попало: деньгами, овсом, солодом, мёдом, трепаным льном, кожами, холстами и куриными яйцами. Всё шло впрок, а что было лишним, всё менялось».

Шел уже 1928 год, умным мужикам становилось ясно, куда дело поворачивает. Хотя многие еще не понимали.

— «С чего это он вздумал жеребенка-то легчить?

Рехнулся видать?...

— Судейкин в землю на две сажини видит...

— Видно причина есть.

— Причина одна.

— Да какая?

— А такая, что капитал, своё заведение».

Применительно к хозяину — уничтожался источник дохода одного человека, одной семьи.

Но ведь вместе с этим прерывалось воспроизводство породистых лошадей в крестьянских хозяйствах целой округи.

Однако, всё это рассуждения материалиста.

Герои Белова в большинстве своем не знали политэкономии

и под капиталом понимали просто деньги, а не способность его воспроизводить новые деньги. Но воздействие на них жестокой операции по оскоплению жеребца от этого не было менее сильным.

«Ундер, словно почуввав беду, тревожно заржал, и было в этом ржании что-то совсем беспомощное. Жеребец как будто просил не оставлять его одного на лужке с этими чужими, незнакомыми мужиками, среди праздничной деревенской ватаги. . . Ундер хралел и бился в путах, его могучее тело мелко вздрагивало, все вокруг замерли.

Рыжий коновал взял нож и присел к Ундеру. Вдруг жеребец дернулся, и страшный жалобный визг, пронзительный крик вылетел из проулка, повис над всею Шибанихой.

. . . Сережка бежал по улице, не помня себя и не зная, куда он бежит. Жуткий, проникающий в каждую кость рев Ундера все еще звучал в ушах, в глазах переливались красным волосатые руки двух коновалов».

У нашего современника, если он не бесчувственный истукан, прочтя эти строки, естественно чаша страдания за свою землю, крестьян, страну наполнится еще одной каплей.

Разными образами и художественными приемами показывали писатели процесс всеобщего умопомешательства, наступившего в результате грубого воздействия разрушительных сил на естественный ход эволюции. На воображение читателя, на его подсознание, на чувственное восприятие эти строки действуют не менее сильно, чем понимание экономического урона нанесенного социалистическими преобразованиями. Что мог вынести, запомнить на оставшуюся жизнь, мальчишка Сережка, свидетель этой жестокой, бессмысленной операции? Да и читателю, нашему современнику, имеющему воображение, за словами романа Белова о «пронзительном крике, повисшем над всею Шибанихой» и «красными волосатыми руками коновалов» представляется не униженный, страдающий жеребец, а раздавленное, измороженное, залитое кровью, оскопленное российское крестьянство.

Очень убедительно выписана история строительства мельницы, затеянное молодым, работающим, честолюбивым, только что женившимся Павлом Пачиным. На паях вошли в дело еще две семьи, но главным был Павел. В его образе мы найдем черты героев писателей, о которых уже шла речь: Шолоховского Ти-

та Бородина, Панферовского Кирилла Ждаркина, Можаяевского Федота Ключева, Абрамовского Степана Андрияновича.

То же нечеловеческое перенапряжение сил, одержимость в работе, полное подчинение всего себя поставленной цели, лишения всей семьи ради будущего.

Это было умопомешательство почти всенародное. Толи предшествовавшие семь лет войны, сформировавшие в людях тоску по созидательному труду, то ли миражи посуленного большевиками счастья сделали людей чуть ли не поголовными трудоголиками. В который раз приходится говорить о том, что не хватает воображения представить, какой стала бы страна, сохранись такой порыв на несколько десятилетий.

«Ночи были светлые, и он (Павел — В. К.) спешил, частенько тюкал топором чуть ли не до утра. Всю весну он спал всего по три-четыре часа... Мельница выжимала из хозяйства последние соки, уже не один мужской пот, но и бабьи слезы поливали... сруб. Денег... не было, сусеки в амбаре ходко пустели».

И вот — всё пошло прахом. Компаньоны, почуяв куда подул политические ветры, бросили дело, вышли из пая. Молодой Павел, одержимый своей мечтой — иметь мельницу, еще не понимает, что надвигается страшное время, где не будет места ни чьим личным мечтам — желаниям, что всё будет подчинено единой, жестокой воле и винит в своей беде более дальновидного односельчанина: «Гад Судейкин... кастрировал жеребца... Это от него, от Судейкина... Перепугал мужиков... Что делать теперь?»

Продавая что можно, обрекая семью жены, принявшую его, на полуголодную жизнь, Павел продолжает стройку. Кипят страсти в душе молодого крестьянина. В изображении Белова перед читателем предстает не просто труженик, работающий человек, создающий средство производства для добывания хлеба насущного, а мастер, художник, творец. «На горе, оттененная синим небесным разливом, высилась его еще бескрылая мельница. Желтовато-янтарная её плоть, объединившая перевоплощенных древесных тел, была так осязаемо близка, так дорога и понятна... Будто рожденная неожиданно, она посылала ему свой поклон, свою благодарность за то, что он создал её, вывел из небытия».

Высочайшая, стройная, она похожа была на старинную рюмку: тот же тонкий перехват в середине. И не прозрачный хрусталь светился на солнце, а спокойная, источающая смолу, теплая древесная плоть... ».

Автор держит в напряжении читателя, повествуя о труде и переживаниях Мастера, перемежая рассказ о нем с описанием страстей в деревне. Прожит 1928-й, идет 29-й год. Мы-то знаем, что после 30-го у Павла отберут эту мельницу, но сам он об этом не хочет думать. Горюя о судьбе русского мужика-самородка, думаешь, читая книгу, — хоть успеет ли он завершить строительство, переживет ли миг величайшего счастья, который дано испытать человеку, закончившему трудную, явившуюся результатом величайшего физического и духовного подъема, работу. Василий Белов предоставляет своему герою возможность пережить это. И вот, мельница готова, подул ветер, и она заработала. «Он сел на приступок, оперся локтями о коленки и, сцепив руки под подбородком, закрыл глаза. Теплые слезы одна за другой скатывались по щекам в давно небритую щетину... Не зря всё лето ходил даже по ночам, как около хорошей невесты! Своими руками вытесывал каждый клин... Жена Вера в тихие дни крутила снизу за крылья, а он спешил выверить ход шестерни, замечая каждый отдельный скрип...

Всё ликовало в груди, всё радостно отзывалось на мельничный шум и на мельничный запах. И казалось, ничто никогда не остановит эту мучную ласковую теплую хлебную струю, она текла как родная вода, как само непрерывное и вечное время...»

Успех порождает веру в новые успехи, желание еще и еще переживать упоение победы. И вот Павел, глядя на остановившуюся из-за безветрия мельницу, уже начинает думать о водяной.

Конечно, таких как Павел, немного. Но есть другие крестьяне, которые пахут землю, строят дома, играют свадьбы, рожают детей, шутят друг над другом, варят пиво, рассуждают о смысле жизни. Среди них есть плотники и сапожники, кузнецы и техники, врачеватели и даже поэты. И вот этой жизни, этим крестьянам мудрым и работающим приходит конец. Никакие комиссары, чекисты, двадцатипятидесятники не смогли бы перевернуть деревню, разрушить сложившийся уклад, обречь на страдание миллионы людей, если бы в самой деревне не находились добровольные помощники, проводники социалистических преобразований. И таких типов выводит Василий Белов.

Если Шолоховский Макар Нагульнов достоин осуждения за насилие над односельчанами, но он одновременно и вызывает симпатию за бескорыстие, убежденность в правоте дела, готовность к самопожертвованию во имя мировой революции. В известном смысле это Дон-Кихот своего времени, одержимый без-

умной, утопической идеей, разработанной в кабинетах классиков Марксизма. Совсем другим выглядит «борец» за социалистические преобразования деревни в «Канунах» Игнатий Салпронов. Это ничтожество во всех отношениях, опирающийся также на ущербных людей, неудачников, опустившихся, не любящих и не умеющих работать.

О нем на приеме у Калинина говорил приехавший искать правду в Москву Данило Пачин, лишенный гражданских прав голоса. Показателен диалог союзного старосты с крестьянином:

— «Товарищ Пачин! Вы пишете в жалобе, что никогда не пользовались наемным трудом. А мельница? Это же частное предприятие.

Данило покачал головой:

— Ох, Михайло да Иванович! Частное. Знамо, частное! Да ведь и брюхо-то у человека тоже частное, а не общее. Тут-то как? Да меня вся волость звала по имени-отчеству. Я рази враг народу-то?

— Враг.

— Это ... это ... — Данило не мог подобрать слов. — Это, Михайло Иванович, как так?

— Да так. Сколько брал с пуда?

— С двух пудов фунт.

— Ну вот. Ты этот фунт не пахал, не сеял, он тебе доставался даром.

— Нет, Михайло Иванович, неправда! — Данило даже привстал со стула. — Я вон одного дегтю на эту толчею сколько перепокупал, может, на весь гарец. А ремонт, а всякие клюшки-гвоздики! А силы да время сколь, подавись эта толчея! Я вон ее сам в коммуну бесплатно сдал.

— Прижали, наверно, вот и сдал, — сказал Калинин.

— Да за что прижали-то? — Данило встал. — Я эту толчею восемь годов делал своими руками. Люди о празднике в гости, а Данило топорик в руки да на угол. Ладно, богаче людей не буду, нате, берите её в коммуну! Так теперь-то за что меня из списков похерили? Рази я хуже хоть того же Игнахи Сопронова? Он вон, Игнаха-то говорят, всю жизнь только и делал, что матюги на воротах писал, а тут людьми командует... ».

Присутствовавший при разговоре Сталин, сказал Калинин: «Типичный кулак. Эти мужики загубят нам всё дело. Зарубите Калинин, это себе на носу! Вместе с вашим Бухариным».

В этой сцене целая философия. С одной стороны, лишение права голоса лучших крестьян-тружеников, с другой — переход управленческих функций к деревенским отбросам.

У Игнахи обида на всех. Он не забыл, как еще в пятнадцатом году лежал в борозде, боялся идти домой. Как заряд соли, пущенный в него сторожем прозоровского сада, разъедал спину и ягодицы, как ходил босиком, по осенним шипекам, как его, Игнаху, били все подряд. Все, начиная с отца... «как свои же девки не ходили с ним ...».

По ходу сюжета романа образ Игнахи Сопронова дополняется, всё новыми деталями. Будучи сам бездельником, он ненавидит крестьян, оправившихся после войны, заимевших достаток. «Что ни изба, то и зажиточный, у каждого по лошади и корове, у многих по две, а то и по три коровы. Ожили после земельного передела? Наплодилось за эти годы кулачков, обрадовались Советской власти! Ничего, еще прижмут хвосты, запоют нето».

Белов до того презирает своего героя, главное действующее лицо социалистического переустройства, что даже жениться позволил ему лишь на стороне — надо думать, чтобы подчеркнуть, что из местных девушек никто бы не пошел за такого. И жена Зоя оказалась подстать ему.

«Весной он подумал было вспахать доставшиеся ему полосы, попросить лошадей у соседей ему было не в моготу. И он опять подался на лесной заработок... Жена Зоя кормилась в Шибанихе чем придется».

На Петров день, в самую оводную жару, она попросилась возить навоз и пахать паренину, но приехавший домой Игнаха запретил выезжать в поле:

— Хватит, и покопались в земле! Да еще в навозе!!»

Не имея своих дров на зиму из-за нерадивости хозяина, она стала без спроса брать их у соседей, ссылаясь на то, что теперь поскольку колхоз, всё стало общим.

Под стать Игнахе, бывшему вначале секретарем местной партячейки, а затем уполномоченным по организации колхоза, и местный актив, комитет бедноты.

Носопырь. Он и внешне неприятен, впечатление отталкивающее «Алеха был дородный мужик, но уж слишком несуразен лицом и фигурой: длинные разной толщины ноги, косыня в туловище, а на большой круглой голове во все лицо уродился широкий нос, ноздри торчали в стороны, словно берлоги. От этого и прозвали его Носопырем».

... Носопырь навечно остался один, оброс волосами, окривел, дом продал, а для жилья купил баню и начал кормиться от мира. А чтобы не дразнили ребятишки нищим, он притворился коровьим лекарем, носил на боку холщовую с красным крестом сумку, где хранил стамеску для обрубания копыт и сухие пучки травы зверобоя». Сельский люмпен, пьяница, нищий, питающийся подающим, почти глухой старый человек.

Таня, старушка-богомолка. «Нищая эта старушка, маленькая, но осадистая, как бы утоптавшаяся, опрятно жила в полувасыпанной снегом избушке...

Утром, когда бабы в деревне испекли пироги, она босиком от одного крылечка к другому обежала Шибаниху. Таня никогда не теряла очередности, ходила по деревням строго по порядку, притом только по воскресеньям и праздникам. Сбирать свою дань в одной и той же деревне два раза подряд она считала святотатством, а когда собранные милостыни подходили к концу, попевал какой-нибудь праздник в другой деревне.

Сегодня на очереди была как раз своя деревня, Шибаниха. Таня пришла домой еще до полудня с большой корзиной кусочков. Отогрела ноги, обулась в шубные шоптаники и долго перебирала кусочки, вспоминая, в каком доме какой даден. Она разложила их по сортам: этот ржаной — на сухарики, этот пшеничный — к празднику, а этот ячневый — с кипятком для будня. У Роговых, кроме большого воложного куска, Тане дали плашку хорошей лучины. Днем она исщепала полплашки и теперь сидела при ясном, совсем бездымном и теплом огне. Что еще надо крещеному человеку?

Селька-соплюн, родной брат Игната Сопронова — бездельник, хулиган. Ему двадцатый год. В таком возрасте на селе уже женились, вели хозяйство, а он болтается по деревне, творит всякие гадости.

«Проходя мимо церкви, дедко остолбенел. Человек шесть мазуриков недорослей кидали камнями, стараясь попасть в окно летнего храма. Коноводил у них опять Селька... Никита... с трудом отдышался: «Что делается!» Он припомнил, что Селька не первый раз варзает и богохульствует около храма. Еще великим постом этот прохвост углем написал матюги на ограде, теперь вот и стекла бьёт».

Дед Никита, вместе с другими стариками, считавшими себя ответственными за содержание храма в порядке и соблюдение нравственности в селе, решили выпороть Сельку, что и сделали.

В свой роман столько всего втиснул Василий Белов, что по его прочтении складывается основательное представление о самых различных сторонах происходившей на селе драмы. Да и не только на селе.

Партийная чистка. Её проводит приехавшая из уезда «тройка» уполномоченных. На собрании исключается из партии бухгалтер маслоартели Шустов, обстоятельный, грамотный, работающий крестьянин, добровольно подавший заявления о выходе. «Я отказываюсь платить взносы и участвовать в партийных собраниях. Потому как не согласен с линией партии. Особливо насчет кооперации и в крестьянском вопросе».

«Вычистили» и председателя исполкома волостного Совета Микулина за покровительство «бухгалтерским последышам», как выразился руководитель «тройки» Меерсон.

И на этом же собрании приняли кандидатом в члены партии придурковатого, бездельника, не имеющего понятия о совести Сельку-соплюна, брата Игнахи Сопронова. Сюжет куда как красноречив. От управления общественными и хозяйственными делами убираются толковые люди, на их место приходят подонки. К какой новой жизни они могут привести?

Василий Белов — знаток и старой, и новой деревни. Он, как и Борис Можаяев, рассказывает о формах кооперации, сложившейся в России еще до революции и развившейся в годы НЭПа.

«Кредитное товарищество... около двух десятков деревень с охватом тридцати пяти процентов населения. Все кредиты, отпущенные сельхозбанком, были распределены и использованы по назначению, товарищество росло. Члены кредитки сами организовали прокатный пункт по сельхозинвентарю, а некоторые уже написали заявления о том, чтобы объединить по паям часть надельных земель для совместной обработки...»

Ольховская маслоартель была гордостью всего окружного союза молочной кооперации. Недавняя покупка нового сепаратора и быка-производителя закрепила успех этого колхоза, и теперь артель объединяла более восьмидесяти процентов здешнего населения. Иными словами, почти все хозяйства волости, имеющие коров, оказались кооперированы, и это была не просто сбытовая кооперация, но в какой-то степени производственная».

Казалось бы, чего мудрить, развивай и дальше подобную кооперацию. Тем более, что колхоз, организованный на принципах обобществления средств производства (коммуна имени Клары Цеткин) оказался совершенно нежизнеспособным, несмотря на

всяческую помощь от государства. «... несколько бобылей и два-три бедных семейства сошлись в коммуны... Они выселили Прозорова (помещика — В. К.) во флигель и поселились в обширном буржуйском доме. Коммунары сеяли хлеб, косили сено для четырех прозоровских коров. Получали кредиты, и дело у них шло, коммуны даже хвалили в газете... Коммуна совсем захирела, когда сельхоз-банк отказал в очередном кредите». Точь-в-точь, как в наше время — перестали колхозам и совхозам давать безвозвратные кредиты, они и приказали долго жить.

Сравнивая две формы кооперации — создаваемые по инициативе снизу и потому эффективно работающие кредитное товарищество и маслоартель с навязанной людям, органически чуждой им коммуной-колхозом писатель показывает — каким путем могло пойти и каким пошло сельское хозяйство России.

В конце двадцатых стали мужики прозревать, понимать, каким великим обманом оказался лозунг «Землю — крестьянам», из-за которого пошли они под красные знамена в Гражданскую войну.

Были на селе два добрых крестьянина, Данило Пачин и Гаврила Насонов. Уважаемые люди, на мнение и поступки которых ориентировались односельчане, говорившие, если речь заходила о жизненном выборе: «Куда Гаврила, да Данила, туда и мы». Когда допекло Данилу, стал он возмущаться наступающим беспределом, припомнили ему земляки: «... ты молчи, Данило Семенович! Не ты ли в красной-то шапке прикатил в Ольховицу? По деревне ходил Гоголем: «Я не я, кобыла не моя, попало от нас белому енералу!». Вот тебе! Теперича запевай сам лазаря, новые енералы почище прежних!».

Таким образом, Василий Белов подводит читателя к осознанию неприятия не только коллективизации, но и самой Октябрьской революции.

В «Канунах» он показал и начало колхозной жизни с ее бестолочью, непоенными и недоенными коровами, бесхозяйственностью, отлыниванием от работы. Еще вчера работающие мужики становились лодырями, ворами, равнодушными людьми.

Не будем останавливаться на этих картинках, так как они мало чем отличаются от описанного другими писателями.

Белов подводит читателя к главному выводу — совершенные преобразования явились величайшим злом для крестьянина.

Острая публицистика Василия Белова 70-х—80-х годов наполнена болью за поруганную деревню, состраданием к ее людям, попытками найти выход из всё усугубляющегося положения.

Читаешь его проникновенные очерки о деревне, о безысходности сельского хозяйства, наглядно показывающие причинно-следственные связи объясняющие деградацию села и думаешь — почему писателю дано было понять, а людям, взявшим на себя ответственность за страну — нет?

Хотя чего думать. В романе «Кануны» мы видели, как на смелую здравому смыслу, попирая мудрые, извечные законы природы и нравственные устои, шли жестокость, бюрократизм, аморальность.

Его очерки о жизни деревни недавнего времени показывают, что стало с людьми, к чему привела реализация абизиозных, утопических устремлений о разрушении старого и построении нового мира.

Из всего богатого публицистического наследия Василия Белова остановимся на одном очерке — «Требуется доярка». На двух с половиной десятках страниц дана печальная картина современной деревни, результаты насилия содеянного одними героями «Канунов» над другими. Здесь все важнейшие проблемы села, ставшие такими не сами по себе, не в силу роковой обреченности, а благодаря разрушительной деятельности людей.

Белов пишет, что в его Харовском районе Вологодской области, типичном для всего Нечерноземья с 1950 года по 1982 год «... исчезло с лица земли около ста деревень. Решающую роль во всем этом сыграло, на мой взгляд, не столько низкое экономическое положение тогдашних хозяйств, сколько административное их объединение, не оправданное местными условиями».

Дорогой Василий Иванович! Вы абсолютно правы насчет административных причин уничтожения поселений, складывавшихся исторически. А вот, что касается «местных условий», то они тут ни причем. То же самое происходило и на Дону, и на Алтае, и на Урале.

Что значит — ликвидировать населенный пункт? ... «Сразу или постепенно исключить из хозяйственного пользования многие гектары пашни, окончательно забросить остатки лугов, лесных покосов и пастбищ.

Писатель приводит цифры по своей области: Пашня за сорок лет сократилась на 400 тысяч гектаров (чуть больше имеет вся республика Армения). «Только за последние 15 лет заросло лесом и кустарником либо заболочено около 250 тысяч гектаров покосов...»

В этом очерке достается концентрации и специализации, так же свершившихся не в результате естественных экономических процессов, а навязанных сверху.

Василий Белов одним из первых обратил внимание на демографический перекося, поставивший под угрозу само воспроизводство населения. «... многие ребята возвращаются из армии на родину, и демографическое равновесие лет эдак через 20–25 можно было бы восстановить. Если б... Если бы не проблема невест. Помню, лет десять назад в нашем клубе деревни Лобанихи я насчитал десятка два ребят и всего... двух девушек».

Писатель поднял очень серьезную проблему. Применительно к Сибири, где я работал, причина этого была в следующем.

Ребята на селе могли получить работу, достаточно престижную – на автомобиле, тракторе, комбайне, а также электрика, сварщика, строителя и т. д. А что девушка? Дояркой или что-то в этом роде. Большинство из них не устраивала такая перспектива, и подавались они в города, в самые разные ПТУ, не столько за тем, чтобы получить желаемую профессию, а чтобы как-то определиться после школы. Многие из них затем оказывались в общежитиях, всевозможных ткацких комбинатов, швейных фабрик, электронных заводов, заселенных только представительницами своего пола. Это была противоестественная ситуация искажавшая представление о здоровом смысле, морали, шкале ценностных ориентаций и диктовавшая соответствующий поведенческий алгоритм. А что парни, оказавшиеся в деревне без девушек? По Василию Белову, «Горькая судьба наших нечерноземных холостяков скрашивается... только работниками торговли». Вот одна из причин пьянства парней, деморализации девушек.

Исключив человека, как самостоятельного хозяина, из активной экономической и общественной жизни, ликвидировав таким образом механизм и источник саморегулирования эволюционного развития, устроители нового общества отдали всё во власть бюрократа-чиновника. Василий Иванович пишет: «Главная причина, разумеется, в бюрократизме, как известно всегда снижающем личную ответственность, позволяющем укрыться за ин-

струкцию, за рекомендацию сверху и т. д. Бюрократу как воздух необходимы все эти перестройки, централизация и концентрация, без них ему просто нечего делать... у бюрократа никогда ничего не получается. Он агитирует переезжать на центральную усадьбу, а уезжают вообще их колхоза; он стеной стоит за концентрацию, а получается одна ликвидация; он же обеими руками за химизацию, а выходит... »

Что выходило с химизацией, каждый из нас, в той или иной мере соприкасавшийся с жизнью деревни, знает.

Однако, дадим слово Белову, коль скоро о его творчестве идет речь.

«Помню, я несколько лет ходил за грибами мимо шести мешков дорогостоящей нитрофоски, брошенных прямо на дорогу. Они растаяли, выжигая вокруг себя всё до последней былинки. Другие мешки растаяли на берегу речки. Многие тонны калийных удобрений уходят под колеса буксующих грузовиков, смываются внешними водами».

Какой вывод может сделать читатель не равнодушный к происходящему, озабоченный судьбой страны?

Человек, видящий ситуацию только вокруг себя — скажет, что нужно выгнать, отдать под суд руководителя. А если он знает, что так почти везде, то делает уже иной вывод — порочна система, при которой людям все равно, что происходит с ними и с окружающей средой обитания.

Василий Белов бросает упрек всем средствам воздействия на людей (местных и центральных газет, кино, телевидения, грампластинки и кассеты, книги и т. д.), которым нет дела до положения в деревне.

Он всё еще верит в возможность реализации Продовольственной программы в рамках сложившихся форм хозяйствования (очерк написан в 1984 году) и уповает в том числе на усиление идеологической работы по всем направлениям. Хотя в конце очерка, включаясь в разговор о закреплении десятиклассника на фермах, он скептически оценивает результативность этой, на шумевшей тогда кампании.

«... Пора бы уже всем понять, что силовые методы закрепления приводят к обратным, противоположным результатам». И вольно или не вольно, он приходит к выводу: «Может быть, на так называемых семейных фермах (по методу бригадного подряда) женщины и девушки работали бы намного охотней?».